

Е. В. Скуднякова

**ПОВЕСТЬ И. С. ТУРГЕНЕВА «ДОВОЛЬНО»:
ФИЛОСОФСКО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ**

*Московский государственный гуманитарно-экономический университет,
г. Москва, Россия*

Аннотация. В статье исследуется специфика раскрытия философско-мировоззренческого содержания повести И.С. Тургенева «Довольно». Писатель осмысливает проблемы бытия с помощью категории фантастического. Подчеркивается, что данная категория рассматривается как элемент поэтики литературного произведения. Фантастическое как особый тип образности (фантастический образ-ситуация), основанный на смещении границ между земной жизнью и загробной, четко выделяется в поэтике данной повести. Проводится анализ художественных функций фантастического образа-ситуации, на основе которого делается вывод о том, что, во-первых, с помощью данной категории всесторонне раскрывается философский, религиозный и нравственно-этический аспекты повести, во-вторых, фантастическое активизирует развитие сюжета и специфически выстраивает композицию повести.

Ключевые слова: *фантастический образ-ситуация, лампада, икона, церковь, философско-мировоззренческое содержание.*

Е. V. Skudnyakova

**SHORT STORY «ENOUGH» BY I. S. TURGENEV:
PHILOSOPHICAL AND IDEOLOGICAL CONTENT**

Moscow State University of Humanities and Economics, Moscow, Russia

Abstract. The article examines the philosophical and ideological content of short story «Enough» by I.S. Turgenev. The writer comprehends the problems of life through the category of the fantastic. The paper emphasizes that this category is considered as an element of the poetics of a literary work. The fantastic as a specific type of imagery (a fantastic image-situation) based on the displacement of boundaries between the real and the afterlife is clearly distinguished in the poetics of the story «Enough». The article analyzes the artistic functions of a fantastic image-situation, on the basis of which the author makes the following conclusions: firstly, by means of that category the author can comprehensively reveal the philosophical, religious, moral, and ethical aspects of the short story; secondly, the fantastic activates the development of the plot and builds a plot composition in a special way.

Keywords: *fantastic image-situation, icon lamp, icon, church, philosophical and ideological content.*

Актуальность исследуемой проблемы. Изучение категории фантастического в повести И. С. Тургенева «Довольно» еще не стало предметом специального исследовательского интереса в российском литературоведении. Важнейшим идейно-тематическим источником фантастического образа-ситуации в ней является философско-мировоззренческая позиция писателя. В сфере данной категории выделяются и анализируются также религиозные мотивы – церкви, лампады и иконы.

Поэтому глубокое изучение художественных функций фантастического образа-ситуации в поэтике «Довольно» поможет дополнить понимание особенностей философско-религиозного мировоззрения писателя, а также идейно-тематического содержания и сюжетно-композиционного построения повести.

Материал и методика исследований. Материалом послужили повесть И. С. Тургенева «Довольно» [8], эпистолярное наследие писателя [7], а также труды А. Шопенгауэра [11].

При подготовке статьи автором был проведен теоретический анализ фундаментальных работ по исследованию поэтики Тургенева – С. Е. Шаталова [10], П. Г. Пустовойта [4], Г. Б. Курляндской [3], А. Г. Бялого [1], О. Б. Улыбиной [9] и др.

Использованы следующие методы: метод целостного анализа художественного произведения, биографический, сравнительно-сопоставительный, а также элементы рецептивно-коммуникативного подхода.

Результаты исследований и их обсуждение. И. С. Тургенев осмысливает проблемы бытия в пределах художественного мира повести «Довольно» (1865) с помощью категории фантастического, которая реализуется «в особом типе образности» (фантастический образ-ситуация), основанного на смещении границ между земной жизнью и загробной [2], [5, с. 8]. То есть фантастический образ-ситуация – художественный прием, один из ключевых элементов поэтики литературного произведения. Данный прием выполняет следующие функции в повести: 1) глубоко раскрывает философский, религиозный и нравственно-этический аспекты; 2) активизирует развитие сюжета и выстраивает определенную композицию.

Таким образом, основной целью нашего исследования является анализ художественных функций фантастического образа-ситуации в поэтике повести «Довольно».

Философско-мировоззренческая позиция писателя – важнейший идейно-тематический источник фантастического в этом произведении. Тургенев-писатель, Тургенев-человек и Тургенев-философ сливаются в едином образе героя-повествователя, который находится на зыбкой грани между реальным и потусторонним мирами, поэтому наблюдается двоякая интерпретация происходящего с позиций и рассказчика, и читателя.

У произведения есть не только название, но и подзаголовок – «Отрывок из записок умершего художника» [8, т. 9, с. 110]. Фантастический образ-ситуация вводится в поэтику «Довольно» в пятой главе-послании с помощью образа смерти: «В последний раз приподнимаясь из немои могилы, в которой я теперь лежу, я пробегая кротким и умиленным взором все мое прошедшее, все наше прошедшее... Надежды нет, и нет возврата – но и горечи нет во мне и нет сожаленья, и яснее небесной лазури <...> восстают, как образы умерших богов, прекрасные воспоминанья...» [8, т. 9, с. 111–112].

По форме повесть представляет собой отрывок без начала и конца, словно он изъят из более обширного художественного текста или мирового пространства Вселенной. В структуре «Довольно» отсутствуют первые две главы, а также последняя. Многочисленные многоточия – символ бесконечности Природы. Все это дополнительно усиливает фантастичность описываемых событий и неоднозначность толкования происходящего. Повесть разбивается на восемнадцать отдельных глав-посланий к «единственной и незабвенной» женщине [8, т. 9, с. 111]. Подобная композиция становится органичной формой для выражения сознательных и подсознательных мыслей, а также ощущений и предощущений героя-рассказчика. Эти отрывки – своего рода послания из потустороннего мира, в которых умерший художник размышляет о вечных тайнах бытия (о жизни и смерти, о Природе, об искусстве, о душе). Порой ему очень трудно облечь в слова то, о чем он думает и что чувствует, поэтому в художественном тексте много многоточий.

С помощью фантастического образа-ситуации в повести «Довольно» глубоко осмысливается тема ничтожности человеческого существования. И здесь четко прослеживаются отголоски пессимистической философии А. Шопенгауэра.

Размышляя о сущности Природы и о месте человека в ней, герой-рассказчик приходит к неутешительным выводам: человек – всего лишь частица в бесконечном и слепом Хаосе; за пределами «дружелюбных стен» дома ничего нет, кроме «мрака ... смерти, и пустоты» [8, т. 9, с. 115]. Хотя и сам дом – это только временное пристанище. Умерший

художник с прискорбием констатирует, что «суть жизни мелко-неинтересна и нищенски плоска» [8, т. 9, с. 118]. Любовь, страсть, счастье, мечты, радость – все мимолетно в нашей жизни: «...Человек полюбил, загорелся, залепетал о вечном блаженстве, о бессмертных наслаждениях – смотришь: давным-давно уже нет следа самого того червя, который выел последний остаток его иссохшего языка» [8, т. 9, с. 118]. Но самое страшное для него то, что даже искусство тленно. Именно эта мысль окончательно лишает его «бодрости и веры» [8, т. 9, с. 119].

Отсюда и крайне скептическое умозаключение героя-повествователя: жизнь – тщетность, а человек – жалкая мошка. У А. Шопенгауэра: «... Нет ничего на свете, достойного наших стремлений, борьбы и желаний, что все блага ничтожны, что мир оказывается полным банкротом и жизнь – такое предприятие, которое не окупает своих издержек» [11, с. 9, 10].

Герой рассматривает человека как часть природы, ее дитя, но при этом он четко осознает ее равнодушие к судьбе всего живого: «...Она создает, разрушая, и ей все равно: что она создает, что она – лишь бы не переводилась жизнь, лишь бы смерть не теряла прав своих...» [8, т. 9, с. 120]. Таким образом, вся наша жизнь движется по кругу: человек приходит в этот мир, чтобы умереть, но он продолжает жить в своих потомках – и так бесконечно. Читаем у А. Шопенгауэра: «...Истинной эмблемой природы является круг, потому что он – схема возвратного движения» [11, с. 47].

Явные созвучия с философскими рассуждениями А. Шопенгауэра есть не только в повести «Довольно», но и в письмах писателя, хронологически близких к этому произведению. Важно отметить, что пессимистические взгляды на Природу и суть человеческого существования у Тургенева формируются еще в сороковые годы. Так, в 1849 г. в письме к П. Виардо он пишет: «Человек не свободен и в ином, природно-космическом смысле: он игрушка в руках жестокой и грубо-равнодушной природы. Да, она такова: она равнодушна – душа есть только в нас, и, может быть, немного вокруг нас... это слабое сияние, которое древняя ночь вечно стремится поглотить...» [7, т. 1, с. 470].

С помощью фантастического образа-ситуации в «Довольно» глубоко осмысливается и тема смерти. Для Тургенева смерть – это то, чему человек не может противостоять, это неизбежный итог жизни каждого из нас. Подобные мысли писатель высказывает и в других письмах, например, к Герцену: «Перевалившись за 50 лет, человек живет как в крепости, которую осаждает – и рано или поздно возьмет смерть...» [7, т. 7, с. 310]. К Я. П. Полонскому: «Мысль, что через каких-нибудь пятьдесят лет от твоей деятельности не останется пылинки – очень охлаждительно действует на самолюбие...» [7, т. 7, с. 260].

При этом в повести «Довольно» нет четкого образного воплощения смерти, так как герой-рассказчик находится на зыбкой грани между реальной действительностью и загробным миром. Он в последний раз вспоминает всю свою жизнь, осмысливает вопросы бытия, «приподнимаясь из немой могилы» [8, т. 9, с. 112]. Поэтому в поэтике присутствует только предощущение смерти, которое выражается в одном слове: «Довольно!» [8, т. 9, с. 110]. В этом возгласе заключается вся горечь осознания тщетности человеческой жизни, все бессилие перед смертью: «...Спокойно отвернуться ото всего, сказать: довольно! – и, скрестив на пустой груди ненужные руки, сохранить последнее, единственно доступное ему достоинство, достоинство сознания собственного ничтожества...» [8, т. 9, с. 117].

Этот возглас пронизывает всю художественную ткань произведения, но особенно сильно звучит в начале и в конце. Например, в первом словесном послании (структурно – в третьей главе-послании) данное слово вводится в поэтику повести четыре раза: «...“Довольно”, – говорил я самому себе»; «“довольно”, – повторял я»; «“довольно”, – сказал я еще раз»; «“Довольно!” – Полно метаться, полно тянуться, сжаться пора: пора взять голову в обе руки и велеть сердцу молчать» [8, т. 9, с. 110]. В предпоследней, семнадцатой главе-послании пессимистическое восклицание утраивается и облекается в форму целого высказывания: «Нет... нет... Довольно... довольно... довольно!» [8, т. 9, с. 122].

А в заключительной главе остается только вечное молчание: «...The rest is silence {Дальнейшее – молчанье (англ.).}» [8, т. 9, с. 122].

Особую роль в раскрытии темы смерти в повести играют религиозные мотивы (церковь, лампадка, икона). Так церковь появляется в четвертой главе-послании, когда герой-рассказчик ощущает, что в нем гаснет сердечный свет жизни, который «дает ее краскам и значение, и силу» [8, т. 9, с. 111]. Оказавшись в могиле, он приходит к осознанию того, что душа не умирает вместе с телом. Смерть забирает все радости земной жизни, но не может разрушить душу человека. Герой и после смерти чувствует внутри себя сердечный свет, но он совсем слабый: «Нет, он еще не погас – но едва тлеет, без лучей и без теплоты» [8, т. 9, с. 111]. И это ощущение пробуждает в сознании художника воспоминание о том, что он увидел однажды ночью в окне старой церквушки: «Было темно под низкими сводами – позабытая лампадка едва теплилась красным огоньком перед древним образом – и смутно виднелись одни только губы святого лика, строгие, скорбные; угрюмый мрак надвигался кругом и, казалось, готовился подавить своею глухою тяжестью слабый луч ненужного света... И в сердце моем – теперь такой же свет и такой же мрак» [8, т. 9, с. 111].

Душа героя в земной жизни стремилась к Богу, искала пути к Храму. Ведь церковь – это не просто здание, это дом Бога, куда каждый человек может прийти, чтобы помолиться Всевышнему вместе с другими верующими. Церковь – своего рода проводник между Богом и людьми, между земной жизнью и Царствием небесным. Храм с одной стороны символизирует дом Бога, а с другой – душу и сердце человека, где живет Бог. Молитва – способ познания Бога, общение с ним. Через молитвы душа человека очищается от всего греховного, наполняется Божественным светом.

Но в повести четко показывается, что герой так и не пришел к истинной вере в Бога. Он даже не решает зайти в церковь, а только смотрит через окно на то, что там происходит. Поэтому религиозные мотивы вводятся в поэтику в достаточно мрачном контексте. Например, описание Храма: «старенькая церковь», «решетчатое окно» с «неровным стеклом», «низкие своды» [8, т. 9, с. 111]. Все эти детали становятся реальным отражением «внутренних» решеток и духовной незречести героя-повествователя.

Важно отметить особое смысловое значение полумрака внутри церкви. Он становится символом неверия героя, греховности его души. Именно поэтому он не воспринимает «позабытую» лампаду как символ веры и Божьего света [8, т. 9, с. 111]. Ее тусклый отблеск не дает ему просветления: «угрюмый мрак надвигался кругом и, казалось, готовился подавить своею глухою тяжестью слабый луч ненужного света» [8, т. 9, с. 111]. И даже изображение святого на древнем образе ему видится мрачным и угрюмым: «губы святого лика, строгие, скорбные» [8, т. 9, с. 111].

Таким образом, можно сделать вывод, что герой повести находится во тьме неверия, он закрыт от Бога. Поэтому, находясь в немой могиле, он ничего не чувствует: «Надежды нет, и нет возврата – но и горечи нет во мне и нет сожаленья...». Для него лампада не становится символом веры и молитвы даже после смерти: «И в сердце моем – теперь такой же свет и такой же мрак» [8, т. 9, с. 111].

Он погружен в прекрасные воспоминания о безвозвратных земных радостях и впечатлениях, ему хочется говорить из могилы о том времени, когда в его сердце горел свет жизни. Ключевым образом всех воспоминаний является «очаровательно яркий и прекрасный образ любимой женщины» [8, т. 9, с. 114].

Перед ним, как в калейдоскопе, проносятся красочные картины: весенняя река, прекрасные сады, древний собор... При этом герой-повествователь переживает целую гамму самых ярких положительных эмоций: душевное спокойствие, радость, «упоительную грусть», «колыхание счастья» [8, т. 9, с. 116]. Он чувствует себя, «как птица, только что сложившая крылья и готовая взвиться вновь», его «сердце горит и трепещет веселым

страхом <...> перед налетающим счастьем...» [8, т.9, с. 114]. Для героя это самые лучшие мгновения жизни.

Но воспоминания о церкви снова окрашены мрачностью и унылостью: «Рядами теснится коленапреклоненный народ; молитвенным холодом, чем-то важным и унылым веет от высокого, нагого свода, от громадных, кверху разветвленных столбов» [8, т. 9, с. 115]. Он воспринимает Храм Божий как что-то отдельное от себя: герой-рассказчик только физически присутствует в церкви, а духовно он где-то далеко. Его мысли фиксируют крайне прозаические детали внутреннего убранства церкви: «пестрые отраженья цветных окон», «потертые плиты» [8, т. 9, с. 115]. На всем лежит какая-то печать тяжести («тяжелой волной прокатились звуки органа») и мрачности («тусклый от ладана воздух»), даже образ любимой женщины ему кажется чужим [8, т. 9, с. 115]. Поэтому он совсем не чувствует умиротворения и просветления от всеобщей молитвы, герой-повествователь остается закрытым от Божественного. Ему намного важнее и ближе простые бытовые радости, например, совместное чтение книги с любимой женщиной в домашней обстановке: «Не старинный храм подавляет нас своим суровым великолепием; низкие стены небольшой уютной комнатки отделяют нас от целого мира <...> мы одни, одни в целом мире; кроме нас двоих, нет ничего живого...» [8, т. 9, с. 115].

И далее в поэтику повести снова вводится религиозный мотив лампы, при этом мрачный контекст вокруг него окончательно сгущается: «В последний раз отдался я тем воспоминаниям и прощаюсь с ними безвозвратно. Так скупой, в последний раз налюбовавшись своим кладом, своим золотом, своим светлым сокровищем, засыпает его серой сырой землею; так светильня истощенной лампы, вспыхнув последним, ярким пламенем, покрывается холодным пеплом» [8, т. 9, с. 116].

В этом эпизоде окончательно высвечивается неверие героя, который даже на пороге смерти не принимает Божественного света. Он видит только красоту земной жизни и сомневается в том, что за порогом Вечности есть что-то похожее: «Будут ли ему, хотя во сне, мерещиться и солнышко, и травка, и голубые ласковые воды?» [8, т. 9, с. 116]. И здесь во многом просматриваются религиозные искания самого писателя, который на протяжении всей своей жизни стремился к Богу, но истинной веры так и не обрел.

Резюме. Итак, с помощью фантастического образа-ситуации глубоко высвечивается философская идея повести «Довольно» – о смысле жизни, о сути Природы, об искусстве. Через образ героя-рассказчика писатель раскрывает достаточно пессимистическое видение жизненного пути человека и мира в целом, во многом основанное на философии А. Шопенгауэра: земная жизнь – короткий миг, а после смерти нет ничего, кроме пустоты и мрака Хаоса.

Фантастический образ-ситуация также дает возможность И. С. Тургеневу проникнуть и в тайны загробной жизни, чтобы найти ответы на вечные вопросы – о существовании Бога, о жизни после смерти и т. д. Поэтому в сфере фантастического появляются религиозные мотивы (церковь, лампа, икона), но исключительно в мрачном контексте, который по ходу развертывания сюжета только усиливается. Так в поэтике произведения раскрывается мотив неверия героя-рассказчика. И здесь прослеживаются религиозные искания самого писателя, потому что, несмотря на высокие духовные ценности своей души, он «целомудренно не называл себя христианином и отсутствие веры считал своим личным несчастьем» [6, с. 45]. В письме к И. Ф. Миницкому: «... Знайте, что без веры, без глубокой и сильной веры не стоит жить – гадко жить...» [7, т. 2, с. 152]. Фантастический образ-ситуация – это тот способ познания мира и человека, который доступен И. С. Тургеневу как художнику, чтобы ответить на свои мировоззренческие вопросы. Он стремится к Богу, пытается философски осмыслить религию, поэтому у него формируется особое понимание веры – быть в гармонии со своей совестью, быть высоконравственным человеком в земной жизни. В этом же письме он отмечает: «Во всяком случае, наше призвание – не быть чертями, будемте людьми и постараемся быть ими как можно долее...» [7, т. 2, с. 152].

Таким образом, фантастический образ-ситуация – один из ключевых приемов в поэтике повести «Довольно», который используется писателем для реализации нескольких художественных функций: во-первых, для всестороннего раскрытия философско-мировоззренческого содержания произведения, во-вторых, для организации особого сюжетно-композиционного построения, которое становится подходящей формой для описания мыслей, ощущений и предощущений героя-рассказчика, находящегося на границе между миром земным и миром загробным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бялый Г. А. Тургенев и русский реализм. – М. ; Л. : Советский писатель, 1962. – 247 с.
2. Кузнецов В. А. «Я хочу истины, а не спасения...» (Тургенев и философия) // Вестник Челябинского государственного университета. – 2018. – № 2(412), вып. 47. – С. 117–119.
3. Курляндская Г. Б. И. С. Тургенев. Мировоззрение, метод, традиции. – Тула : Гриф и К, 2001. – 230 с.
4. Пустовойт П. Г. И. С. Тургенев – художник слова. – М. : Московск. ун-т, 1980. – 376 с.
5. Скуднякова Е. В. Фантастическое в поэтике «таинственных повестей» И. С. Тургенева : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.00.01. – Саранск, 2009. – 23 с.
6. Топоров В. Н. Странный Тургенев (Четыре главы). – М. : Российск. гуман. ун-т, 1998. – 192 с.
7. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем. Письма : в 13 т. – М. ; Л. : Наука, 1960–1968.
8. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем. Сочинения : в 15 т. – М. ; Л. : Наука, 1960–1968.
9. Улыбина О. Б. Проблемы поэтики «таинственных повестей» И. С. Тургенева : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.00.01. – Н. Новгород, 1996. – 15 с.
10. Шаталов С. Е. Проблемы поэтики И. С. Тургенева. – М. : Просвещение, 1969. – 328 с.
11. Шопенгауэр А. Избранные произведения. – Ростов н/Д. : Феникс, 1997. – 344 с.

Статья поступила в редакцию 05.04.2019

REFERENCES

1. Byalyj G. A. Turgenev i russkij realizm. – M. ; L. : Sovetskij pisatel', 1962. – 247 s.
2. Kuznecov V. A. «Ya hochu istiny, a ne spaseniya...» (Turgenev i filosofiya) // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2018. – № 2(412), vyp. 47. – S. 117–119.
3. Kurlyandskaya G. B. I. S. Turgenev. Mirovozzrenie, metod, tradicii. – Tula : Grif i K, 2001. – 230 s.
4. Pustovoijt P. G. I. S. Turgenev – hudozhnik slova. – M. : Moskovsk. un-t, 1980. – 376 s.
5. Skudnyakova E. V. Fantasticheskoe v poetike «tainstvennyh povestej» I. S. Turgeneva : avtoref. diss. ... kand. filol. nauk : 10.00.01. – Saransk, 2009. – 23 s.
6. Toporov V. N. Strannyj Turgenev (Chetyre glavy). – M. : Rossijsk. гуман. un-t, 1998. – 192 s.
7. Turgenev I. S. Polnoe sobranie sochinenij i pisem. Pis'ma : v 13 t. – M. ; L. : Nauka, 1960–1968.
8. Turgenev I. S. Polnoe sobranie sochinenij i pisem. Sochineniya : v 15 t. – M. ; L. : Nauka, 1960–1968.
9. Ulybina O. B. Problemy poetiki «tainstvennyh povestej» I. S. Turgeneva : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.00.01. – N. Novgorod, 1996. – 15 s.
10. Shatalov S. E. Problemy poetiki I. S. Turgeneva. – M. : Prosveshchenie, 1969. – 328 s.
11. Shopenhauer A. Izbrannye proizvedeniya. – Rostov n/D. : Feniks, 1997. – 344 s.

The article was contributed on April 05, 2019

Сведения об авторе

Скуднякова Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, литературы и журналистики Московского государственного гуманитарно-экономического университета, г. Москва, Россия; e-mail: lena11777@bk.ru

Author information

Skudnyakova, Elena Vladimirovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language, Literature and Journalism, Moscow State University of Humanities and Economics, Moscow, Russia; e-mail: lena11777@bk.ru